

Устная история и ее возможности в решении задач современного гуманитарного знания

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41 Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена относительно новому для отечественной гуманитаристики направлению исследовательского поиска – устной истории. В ней рассматриваются проблемы ее становления, исследовательский потенциал и «коридор возможностей» в решении задач современного гуманитарного знания. Особое внимание уделяется использованию устных свидетельств в историографической практике.

Ключевые слова: историческая память, устная история, свидетельства прошлого, нарратив, интерактивная теория, теорема Томаса.

УДК 903

Под сенью памяти: устная история на пути к профессиональному признанию. В последние годы внимание профессионального сообщества приковано к проблемам памяти, ставшей на сегодняшний день едва ли не единственной формой переживания прошлого. Исчезновение ее естественной разновидности и вызванный им интерес к сохранению наследия кардинальным образом меняют и задачи, стоящие перед гуманитарным знанием в целом [1]. Речь, прежде всего, идет о болезненном процессе осознания того, что прошлое, привычно воспринимавшееся в примордиалистских категориях и служившее непоколебимой основой грядущего, оказывается во многом продуктом творческих усилий все тех же гуманитариев. Признание его отчасти профессиональной рукотворности ставит под сомнение не только идею преемственности поколений и связи времен, но и принципиальной верифицируемости данных, полученных на основе анализа свидетельств прошлого. Наглядным тому подтверждением являются непростые отношения, складывающиеся между историей как наукой о прошлом и памятью как формой его сохранения. Согласно П. Нора, автору наиболее влиятельной на сегодняшний день концепции «мест памяти», «история – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... История как интеллектуальная и светская операция вызывает к критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [2]. Их неизбежное столкновение приводит к поиску новых моделей понимания прошлого, находящих свое отражение в легитимации ранее «сомнительных» исследовательских практик.

Так, характерной приметой нынешней историографической практики становится вторжение в ее пространство разнообразных свидетельств времени, чье по большей своей части изустное происхождение еще несколько лет назад предавалось профессиональной анафеме. В сложившейся иерархии источникового обеспечения науки о прошлом жизненные истории и семейные предания занимали место, если и не граничащих с вымыслом «досужих рассказней», то, во всяком случае, «текстов сомнительных», отмеченных привкусом литературного вымысла. Длительное время,

развиваясь под сенью позитивизма с его стремлением к объяснению прошлого посредством изучения и критики документальных источников, историческое знание исходило из иерархической значимости последних, степень ценности которых неизбежно снижалась из-за присущего им субъективизма. Именно по этой причине «дневники всегда ценились выше мемуаров..., а устные воспоминания не рассматривались вовсе – очевидно, как не являющиеся настоящими свидетельствами о прошлом» [3]. Историков не смущал ни факт их частого присутствия на страницах социологических исследований, где они воспринимались практиками созидания прожитой реальности, ни временная типичность находящихся в них отражения сюжетов, ни созвучность письменным нарративам «большой» истории. Обращение к подобного рода свидетельствам рассматривалось в лучшем случае в качестве иллюстрации судеб отдельных людей, память которых причудливым образом запечатлила отдельные вехи истории своей страны.

На сегодняшний день устная история – сформировавшееся и признанное направление исследовательского поиска, где воспоминания о пережитом, увиденном, да и просто некогда слышанном получают надежную дисциплинарную прописку. К ее показаниям прибегают не только исследователи, склонные к профессиональной рефлексии, но и так называемые историки-традиционалисты, длительное время культивировавшие «правду» извлеченных из архивных источников фактов. Зачастую, воспринимаясь в качестве альтернативной возможности проникновения в мир прошлого, устная история с ее рассказами-воспоминаниями противопоставляется повествованию документа, постепенно утрачивающего монопольное право на воссоздание исторической реальности. При этом растущая популярность нового «голоса прошлого» оказывается не столько следствием его познавательных возможностей, сколько прогрессирующего разочарования в традиционных практиках историописания, провоцируемого интеллектуальным обаянием эпистемологических вызовов последнего времени.

Пройдя довольно тернистый и во многом непростой путь от узкого направления в рамках библиотечного и архивного дела до получившей широкое профессиональное признание междисциплинарной практики, устная история, тем не менее, все еще остается «вещью в себе», нуждающейся в прояснении целого ряда вопросов как теоретического, так и практического свойства. Начавшаяся институционализация сбора устных свидетельств, находящая отражения в создании разнообразных Центров устной истории и архивов устных воспоминаний, может рассматриваться в качестве одного из способов разрешения возникающих сомнений в легитимности получаемых таким образом данных. Так, проекты Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев», «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001 – 2003 гг.) нагляднее, чем неоднократно декларируемые принципы «изустно исторического творчества», демонстрируют механизмы работы приверженцев данного направления. Их внимание сосредотачивается «не столько на реальных событиях рассматриваемой эпохи, сколько на отражении этих событий в сознании современников и их потомков» [4]. Отголоском международного проекта летних школ Европейского университета стало появление самостоятельного проекта «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России», выполненного на материалах двух регионов – Краснодарского и Ставропольского краев. Результатом его реализации стало понимание того обстоятельства, что «память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого. В этой перспективе устные записи воспоминаний – исторический источник о социальной истории войны, повседневности в годы войны, психологии и гендерной истории войны» [5]. Благодаря деятельности Центра устной истории Петрозаводского государственного университета, стали очевидными не столь однозначные стороны и последствия финской оккупации

Карелии, получили право на профессиональное существование ранее не вполне серьезно оцениваемые сюжеты повседневной жизни различных категорий населения того времени [6].

Исследовательские притязания устной истории не ограничиваются лишь событиями недавнего прошлого, ее экспансия распространяется и на более отдаленное время, связанное с отражением в коллективной и индивидуальной памяти народных традиций, этнического самосознания. Архивы полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики ЮФУ, Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» стали солидным подспорьем для решения ряда задач в области изучения картины мира кубанского и донского казачества, воинской ментальности, трансформации обрядовых и культурных комплексов старожильческого и пришлого населения.

Как свидетельствует даже беглый и довольно поверхностный обзор возможностей устной истории как направления исследовательского поиска и полноценного исторического источника, они сводятся к трем основным ипостасям: дополнению данных архивных документов и, тем самым, расширению наших представлений о прошлом; выявлению особенностей человеческой памяти и определению ее «места» в потоке «большой» истории; поиску обновленной стратегии постижения исторической реальности и выработке принципиально иного типа нарративных практик. Средоточенность усилий устной истории преимущественно на временном интервале XX в. едва ли следует рассматривать в качестве ее дисциплинарной особенности. Тем не менее, именно наличие живых свидетелей воссоздаваемых событий прошлого придает устной истории большую уверенность и оправданность своему существованию в пространстве методологически неустойчивой и теоретически всеядной историографической ситуации рубежа столетий.

Методологические трудности и познавательные возможности устной истории. В жанровом отношении устная история представляет собою нечто среднее между практикой социологического исследования, основанного на разнообразных методах интервью и беседы, и историческим изучением прошлого, исходящим из признания реальности описываемых событий. При этом устная история не только заимствует аналитический инструментарий и теоретический багаж у близких ей предметных областей, но и привносит не свойственные им смысловые коннотации. На последнее обстоятельство внимания, как правило, обращается меньше, чем на поиски оснований причисления устной истории к науке как таковой. Вместе с тем, существуют не вполне очевидные обстоятельства дисциплинарного порядка, позволяющие отнести устную историю к самостоятельной области научного исследования. Речь прежде всего идет о ее теоретическом и методическом обеспечении.

Несмотря на многочисленные и разнообразные заимствования в теоретическом отношении, устная история более выражено тяготеет к *интерпретативной теории* и так называемой *теореме Томаса*. Свое широкое признание в исследовательской практике интерпретативная теория получила благодаря «плотному описанию» культуры К. Гирца, исходящему из признания того факта, что современная культура открыта человеку как множество конкурирующих между собою интерпретаций [7]. Интерпретация в данном случае выступает формой познания мира, особым механизмом корреляции сознания и действительности, нацеленным на поиск оптимального способа позиционирования личного или коллективного опыта. Интерпретативная теория, таким образом, мыслится в качестве «построения объяснения с учетом смыслов, приписываемых событиям их участниками» [8]. В ее пространстве устная история обретает так недостающую ей с точки зрения традиционного историописания опору на «конкретику исторических фактов», которая замещается значимостью воспроизводимых человеческой памятью событий. Степень градации этой значимости колеблется в зависимости от масштабности того или иного события, его ме-

стоположения в реестре национальной истории, уровня включенности очевидца и современника в орбиту ее влияния. Именно поэтому сторонники устной истории так ценят разнообразие личного опыта, а ее противники находят в нем бесспорное подтверждение непрочности такого рода свидетельств.

Американский социолог Уильям Айзек Томас сформулировал теорему, согласно которой «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям» [9]. Оценивая ее возможности для понимания принципов функционирования общества, другой не менее известный американский социолог Р. Мертон, отмечал: «И хотя ей недостает охвата и точности ньютоновской теоремы, она остается не менее значимой вследствие своей применимости ко многим, если не к большинству, социальных процессов... Первая часть теоремы непрестанно напоминает о том, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [10]. Согласно теореме Томаса, вымысла в воспоминаниях о прошлом не существует по определению: размытость внешних контуров воспроизводимого памятью события не имеет для ее носителя определяющего значения. Реальность, давно замещенная значимостью, переориентировала ретроспективу когда-то произошедшего события на его онтологическую ценность в жизни конкретного человека. Он восстанавливает не его детали, к которым так настойчиво стремится исследователь, пытаясь запечатлеть полноту и непредсказуемость отдельного случая, а передает гамму ощущений и эмоций, им вызванных.

Историки, занимающиеся сбором устных воспоминаний, в большинстве своем исходят из того обстоятельства, что «в процессе беседы, слушая воспоминания, ...исследователь, ведущий опрос, имеет реальную возможность спросить свой «источник», проверить уже в процессе интервью свою гипотезу по тому или иному моменту рассказа. Этап «повторного интервью» (С. Квале) позволяет расширить знания о человеке и событиях, с ним связанных» [11]. При этом изначально задается ситуация, при которой источнику отводится второстепенная, дополняющая позиция, способствующая прояснению либо расширению уже известных сведений. Исследователь, ангажированный общим знанием того, о чем он собирается спрашивать, «как бы» снижает самостоятельную ценность индивидуального воспоминания, пытаясь придать ему внешние признаки достоверности. Отсюда и стремление устных историков к максимальной детализации рассказа, к нацеливанию собеседника на припоминание бытовых подробностей излагаемого им события, а также соотнесение его с течением прошедшего времени.

Зачастую такие настойчивые просьбы со стороны слушателя сопровождаются эффектом аберрации памяти рассказчика. Под воздействием возрастающего интереса интервьюера к его личной судьбе происходит «присвоение» не принадлежащего повествователю опыта, в пространстве которого рассказчик переключается с собственно процесса припоминания на достижение повествовательной идентичности. Социологи, неоднократно обращавшие внимание на особенности речевого поведения опрашиваемых, в данной связи подчеркивают: «Рассказы информантов – это не просто отчеты о том, что произошло. Например, если матери конструируют свои нарративы так, что показывают в них себя в качестве единственного источника заботы о ребенке, то они хотят, чтобы другие воспринимали их именно таким образом. Однако речь не только о самопрезентации, самоописании субъекта. Нарратив является частью жизни человека, которая конструируется в процессе рассказывания о себе. Получается, что в ситуации рассказывания человек создает свою идентичность» [12].

Работа с нарративами (текстами бесед, интервью) имеет давние традиции и вполне устоявшиеся технологии получения и обработки данных. Тем не менее, их

выбор историком и предопределенность этого выбора обуславливается «отношением к нарративам – как источнику более или менее истинной (и ценной) информации, к отражению реальности или же как к реальности как таковой. Некоторые исследователи считают, что респондентам свойственно лгать, приукрашивать историю, чтобы быть более убедительными, привносить в нее свои интересы и ценности. Другие полагают, что рассказ заслуживает внимания сам по себе, как окошко в жизненный мир другого человека с его уникальным опытом и переживаниями» [13]. Решение в пользу выбора того или иного метода принимается исследователем под воздействием факторов самого разнообразного порядка: от его общепрофессиональной подготовки и масштабов стоящей перед ним задачи до случайного стечения обстоятельств в жизни потенциального информанта. Однако вне зависимости от принятого решения метод воспринимается как способ извлечения из повествования реального события либо связанных с ним происшествий. Увлекаясь собственными интересами, исследователь нередко забывает об интересах собеседника, менее всего склонного к удовлетворению профессионального любопытства противоположной стороны.

Нарратив, создаваемый рассказчиком, условно распадается на три части, «состояние – событие – состояние», каждая из которых по своим интенциональным возможностям и предназначению различна как для самого повествователя, так и для его слушателя. В то время как слушатель заинтересован в более подробном описании средней, и с его точки зрения, более активной части повествования, рассказчик сосредотачивает свои усилия на «входе» и «выходе» из события. В результате несовпадения первоначальных намерений исследователя и информанта многие нарративы отбраковываются, так и не приобретя статуса источника. Те же из них, что попадают на страницы исследовательских сочинений, в большинстве своем утрачивают очарование избранности, встраиваясь в общий поток «большой» истории, тем самым конкретизируя его основные направления и редкие ответвления.

В своем стремлении к полноценному существованию в пространстве разнообразных практик постижения прошлого устная история добилась практически невозможного. Возведя в ранг источника «голоса из прошлого», она фактически разрушила длительное время культивируемую границу между историей-событием (*res gestae*) и историей-рассказом (*historia rerum gestarum*). Однако, будучи прежде всего наукой, а уж затем «выразительницей чужих мнений» (П. Томсон), устная история оказалась неспособной к последующему созиданию. Вторгнувшись на территории памяти, она подобно библейской ослице не знает, какому стогу отдать предпочтение: событию как таковому или все же его оценке. Но в любом случае, как бы ни разрешилась в дальнейшем создавшаяся ситуация, устная история задает новый вектор развития гуманитарного знания в целом. Развития, нацеленного на возвращение ему человеческого измерения и находящего свое отражение в создании нового междисциплинарного нарратива – повествования, в котором память становится индивидуальной стратегией освоения динамичного и плохо поддающегося генерализации пространства современной жизни.

Примечания:

1. Об «историческом повороте» и историоризации современной жизни, см.: Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М., 2011; его же. Исторический поворот в современной мысли: взгляд на «переломное время» из «переломного времени наоборот» // Эйдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип.5. К., 2011. С. 27.
2. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.
3. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006. С. 9.
4. Там же. С. 7.

5. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 14–15.
6. Устная история в Карелии: сб. научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007.
7. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Самосознание мировой культуры. СПб., 1999. С. 279–280.
8. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С.75.
9. Теорема Томаса. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://msk.treko.ru/show_dict_1146.
10. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/node/828>.
11. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. С. 18–19.
12. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Указ. соч. С. 93–94.
13. Там же. С. 11.

Oral History and Its Possibilities in Solving Problems of Modern Humanities Knowledge

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article analyses relatively new trend of research in domestic humanitaristics – oral history, considers the problems of its formation, research potential and “corridor of possibilities” in solving problems of modern humanities knowledge. Special attention is attached to oral testimonies use in historiographic practice.

Keywords: historic memory, oral history, evidence of the past, narrative, interactive theory, Thomas theory.

UDC 903